

РОМАН

ЛЕС

Евгения Гришковец

Евгения Гришкова
Лес

«Автор»

2023

Гришковец Е.

Лес / Е. Гришковец — «Автор», 2023

Беззаботный отпуск превращается для Анны в схватку между жизнью и смертью. Удастся ли ей выйти победительницей из этой битвы?

© Гришковец Е., 2023

© Автор, 2023

Евгения Гришковец

Лес

– Итак, дети, сегодня мы с вами будем рисовать лес. Поднимите руки, кто знает, какой бывает лес?

Учительница по рисованию облокотилась крутым бедром о подоконник и ласково оглядела 37 первоклашек.

Кареглазая активная девочка с тугими косичками, обрамлявшими лицо, первой задрала руку и выкрикнула:

– Лес бывает дремучий! Там живут чудища!

– Ничего и не живут! – перебила её другая девочка, с первой парты. Она повернулась к первой девочке, не обращая внимания на Анну Витальевну и начала ей что-то объяснять.

Учительница за пару уроков уже привыкла к тому, что дисциплина на её уроках хромает. Дети бесятся, иногда встают с мест, а у неё не хватает опыта, чтобы навести порядок. Анна Витальевна работает в школе первый месяц. Она в прошлом подающая надежды художница, потом верная жена и домохозяйка, а сейчас вот находится в состоянии развода. Своих проблем в голове целый ворох, уже не до детей, если честно. Но знакомые посоветовали ей устроиться на работу в школу. Учителей всегда не хватает, так что Анну Витальевну взяли с руками и ногами. Знакомые думали, что Анна Витальевна сможет немного отвлечься от своих бед, расслабиться. Уж больно им было на неё смотреть после этого рокового лета.

– Правильно, Мелисса, лес бывает дремучим... – заставила себя сказать учительница.

– А чудища там бывают? – спросили дети.

– Бывают... – дрожащими губами прошептала Анна.

Если бы не учебный план, который Анне любезно предоставила школа в лице директрисы с морковными губами, не рисовали бы детки сейчас никакой лес. Кому это надо? Нужно рисовать вазы, цветы, животных, что-то живое, настоящее. Прозвенел звонок на перемену, ученики схватили свои едва просохшие рисунки и накидали их в беспорядке на стол учительницы. С некоторых рисунков стекали вниз капли зелёного цвета. Художники! Анна Витальевна невольно улыбнулась, с удивлением осознав на своём лице непривычное выражение. Надо же, она ещё может улыбаться. Может, правы её знакомые и родные? Она слишком «заморочилась» на том, что произошло. Нельзя так замыкаться на судьбе одного человека. Нужно думать о себе, о своём браке. Может, его ещё можно спасти... Анна Витальевна стала приводить в порядок творения своих подопечных, но что это? С одного листа капали не зелёные капли, а красные? Кто-то изобразил, видимо, осенний лес, с жёлтыми и красными листьями. Так? Поэтому краска капает такая. Но учительнице почудилась кровь. Она отшвырнула от себя листы и закрыла глаза руками, внезапно почувствовав стыд за свои эмоции. Хорошо, что урок закончился, и никто её не видит.

Пришла смс от мужа, который вот-вот станет бывшим. Ну, конечно, они собирались встретиться после обеда, чтобы вместе съездить и оплатить пошлину на расторжение брака. А если она не хочет ничего расторгать, если она передумала? Анна Витальевна закрыла кабинет и по коридору с хаотично бегающими детьми, вышла из здания школы. Начиналась осень. Настоящая, с серым низким небом, с косяками птиц, с поднятыми воротниками и красными носами прохожих. А ведь прошло совсем немного с тех пор, когда учительница мечтала снять с себя кожу лишь бы немного охладить горящее своё тело внутри. Возле школы стояла машина мужа, но автомобиль был пуст. Аня увидела его фигуру возле входа в парк. Он был не один. Он

обнимал какую-то молодую женщину в пальто с характерным покроем. Аня мечтала однажды одеть подобное. Светлое, с высокой талией, чтобы ничто не давило на плод. Отлично! Значит, развод неизбежен. Значит, дело не в Анне и не в её летних одиноких приключениях. Дело не в этом. Наверное, не только в этом. Учительница окликнула мужа, чтобы поскорее покончить с этим. Она заледенела внутри и говорила сухо, одними губами.

– Юра, больнее, чем есть уже не будет. Зачем ты притащил её к школе?

Высокий и довольно худой мужчина, Юрий, поспешно отошёл от молодой девушки. Ну что ж, со стороны, вообще, незаметно, что в домашних условиях этот мужчина невыносим. Он бледный, собранный, с высоким лбом, крупными светлыми глазами и благородным носом. Блондин. Высокий блондин, сдержанный кажется, малоэмоциональный, порядочный. С виду порядочный и сдержанный. Анна глубоко вздохнула, вспомнив не очень приятные сцены из их супружеской жизни. Развод, конечно верное решение. Его, правда, решение. И из-за того, что это именно решение Юры, подрывается её и так пошатнувшаяся вера в себя. Это просто не вовремя. Это слишком обидно. Анна сглотнула комок в горле. А что, собственно, вообще, происходит вовремя? Особенно в её жизни? Может, эта летняя поездка? Может, так и не случившаяся беременность в браке? Мужчина подошёл к Анне и прошепел ей в ухо, что своими словами она могла обидеть его беременную пассию.

– Ты не меняешься, дорогой... – тихо сказала учительница.

Они оба стали подниматься по высоким ступеням учреждения. Сзади они смотрелись очень похоже, как брат и сестра. Светловолосые, стройные, высокие, со стремительными движениями. Они даже шли в ногу. Пятилетний брак поставил на них свою печать.

Потом они за высоким столиком заполняли привязанными ручками бланки. Ручка у Юры перестала писать, и он с брезгливым видом откинул её, вытащил из нагрудного кармана свою, блестящую, металлическую. Почерк у него был резкий, крупный, с сильным наклоном. Анна Витальевна закончила свою квитанцию раньше и от нечего делать стала тренировать свою роспись на листочке, лежавшем для черновики.

– Я возьму свою фамилию после развода. Квартиру я себе ещё нашла.

– Тебе нужно съехать как можно раньше. Я сам тебе найду жильё. Моя невеста не должна нервничать. Как ты заметила, мы ждём ребёнка.

– Господи, когда вы всё успели! Пока я в лесу сходила с ума! – вдруг подняла голос Анна.

Юра с нескрываемой паникой оглядел полупустое помещение и положил руку на запястье Анны.

– Не кричи. Мы же не дома. Не веди себя, как торговка на рынке!

Анна со своей квитанцией бросилась к первому окошку. При этом её каблуки громко скрипнули по кафельному полу. Юрий произнёс ругательства одними губами и ненавидящим взглядом проводил жену.

Судя по размеру живота у девушки, ожидающей Юрия на скамейке в парке, их романтические встречи начались месяца за два до того злополучного блуждания в лесах. С другой стороны, Анна охотно допускала мысль о том, что фасон пальто призван подчёркивать то, чего ещё нет. Учительница сама знала такие суеверные причуды. Когда ей казалось, что она беременна, она тут же начинала себя вести так, как предположительно ведут себя женщины в положении. Ей хотелось вдруг особенные сочетания продуктов, её манили витрины детских магазинов, она придирчиво рассматривала свободные балахоны в отделах для беременных. Как бы там ни было, девушка дождалась Юрия. Они сели в машину и укатили. Анна Витальевна поплелась к остановке трамвая. Ей теперь придётся привыкать к общественному транспорту. Интересно, сколько стоит проезд, есть ли проездные сейчас, где их покупать? Мысли понес-

лись в практическом направлении, что вселяло надежду: она справится. Даже после развода. Говорят же, что разводами заканчиваются больше половины браков. Ничего, женщины выкарабкиваются как-то. Она ещё в лучшем положении. С профессией, без детей. Юра обязался выплатить ей компенсацию за жильё. Он действительно порядочный человек. Не всякий мужчина пойдёт на такое.

Подруга говорила, что самое главное в её годы, это не остаться на улице. Как будто ей уже сто лет! С другой стороны, конечно, подруга права. Купить квартиру практически не реально. Анна Витальевна вздохнула и удобнее ухватилась с поручень в трамвае. Свободные места были в салоне, можно было сесть. Но учительница не хотела. Пока. Если уж сесть, то это навсегда, то это будет именно то место, куда она стремилась. Это будет её место, не временное, а постоянное. Такие мысли мешали Анне пойти и занять сиденье, обитое дешёвым дерматином. Поэтому она стояла напротив большого овального окна, делая сама для себя вид, что оказалась здесь случайно. Её машина в автосервисе, любимый муж не успел забрать её с работы. Поэтому пришлось ехать в трамвае вот, держаться за поручень и бояться испачкать светлый лёгкий плащ. Когда молодая девушка подошла к Анне и произнесла "за проезд", учительница ясно ощутила своё поражение. Эта девушка ещё сумеет шагнуть выше, если будет стараться, а вот она, Аня, уже всё, сдалась, и так и будет ездить на трамвае до конца своих дней. Городская жизнь медленно протекала за окном. Анна Витальевна рассматривала ранее не замечаемые ею дома, деревья, магазины, людей. Деревья. В городе от них не исходила опасность. На них не страшно было смотреть. Растения и растения. Анна подумала о лесе, и её снова охватила тревога.

Она вспомнила, что на днях ей придётся съехать из купленной в браке двухкомнатной квартиры. За пять лет своего замужества Анна переделала безжизненное, новенькое жильё в настоящий островок уюта и комфорта. В эту квартиру хотелось всегда возвращаться и редко её хотелось покидать, особенно Анне. Она превратилась в самого настоящего домоседа. У неё всегда были дела в квартире. Убраться, что-то передвинуть, довести до ума. Анна сама установила электрокамин, на огонь которого так тепло было смотреть наступающими осенними вечерами. На лоджии учительница устроила нечто среднее между беседкой и верандой: к потолку подвесила гамак, на полу расстелила зелёный пушистый ковёр, стены выкрасила в голубоватый тон. Витражные окна на лоджии превращали банальное место для вывешивания белья для просушки в летнюю веранду, парящую над шумным городом. Даже Юрий, перманентно недовольный Анной, ценил и принимал её усилия по облагораживанию их жилья.

Аня вышла на остановку раньше, чем нужно. Казалось, что до дома подать рукой, и она подумала, что неплохо бы пройти. Но Анна Витальевна совсем отвыкла от того, что расстояние это не то, что кажется. Когда едешь на личном автомобиле, всё получается быстро и ловко, и город становится маленьким, как на ладони. Из одной точки в другую при отсутствии пробок доехать можно в считанные минуты. Совсем другое дело, когда путешествие начинается и заканчивается на своих двоих, в красивой, неудобной обуви да ещё под осенним дождиком, то и дело срывающимся с небес. Аня остро ощущала свою неполноценность, свою бедность. По дороге неслись блестящие машины, обрызгивали обочины, одежду людей, которые не успевали увернуться. Аня пока не успевала, не привыкла ещё. Было зябко, хотелось скорее домой. И тут же после этих мыслей душа тяжело опускалась: дома больше нет. Теперь есть квартира, которую нужно освободить для новой семьи. Там появится ребёнок, там появятся новые заботы. В квартире обустраивают детскую комнату, на мебельные шкафчики навешают уродливые крепежи от маленьких детских ручек. Квартира наполнится новыми вещами, а от старых, с любовью

подобранных Аней, молодые родители будут постепенно избавляться. Учительница перешла на более быстрый шаг. Заныли ступни и спина.

Ступни – от облегающей модельной обуви, в которой нужно ходить по гладкому кафельному полу, чтобы каблочки стучали и шаркали. А спина заныла от того, что ей не дали время для обретения новых привычек. Отныне, если Анна Витальевна устала, она не имеет возможности вздремнуть в течение дня, присесть, прилечь, накрывшись тёплым пледом в своей гостиной. Как это было ещё весной. Вспомнить бы... Ощутить бы... Они планировали с мужем поездку на юг, выбирали отель, сравнивали цены, искали достопримечательности, которыми будут наслаждаться на отдыхе. А когда Анна уставала от обилия найденной в интернете информации, то она ложилась в гамак, подвешенный на их большой лоджии и раскачивалась, представляя себя летящей свободной птицей над суетливым городом. Прошло не так много времени, и какой контраст в её жизни! Лоджию с гамаком у неё забрали, мужа забрали, будущее с ним забрали. Не такое уж это было бы прекрасное будущее. Аня отдавала себе в этом отчёт. Но изменения в её супружестве должны прийти были эволюционно, постепенно, а не так. Одним ударом. Можно сказать, что добивающим, контрольным выстрелом в голову. Когда уже от её сумасшедших таблиц, развешанных в спальне, начала кружиться голова, Юрий сообщил ей о своём решении развестись.

А сейчас Аня хотела побыстрее оказаться дома и аккуратно разложить свои ненавистные сокровища по коробкам, свернуть ватман, приколотый кнопками к большому фанерному стенду. Чтобы создать свою коллекцию сокровищ, Анне Витальевне потребовалось ровно три месяца. Именно столько времени прошло после того, как её совершенно чудесным способом доставили из леса сначала в местную больницу, а потом домой. Никогда она не была так популярна, как в те недели, что её искали почти всем тем южным курортным городом и его окрестностями. Её фото висели на столбах и остановках. Она сама видела их, когда уже её нашли и подняли на специальных тросах и носилках на вертолёт МЧС. Воздушное судно, даже такое небольшое, не могло спуститься в те непролазные лесные заросли, где она блуждала долгих семь дней и ночей. Каждую минуту своего приключения Анна помнит и видит в снах. Так иногда хочется ей ничего не видеть во сне, но всё такая же густая зелень, стройные стволы, покрытые мхом, бамбуковые изящные трубки, а потом тот дикий страшный запах. Всё возвращается к ней ночью, и никуда от этого не деться, пока она не найдёт причину появления в лесу запаха смерти и разложения.

Анна вошла в свой подъезд. К тому моменту она уже вымокла от дождя, продрогла и чувствовала такую тоску, что уже забыла, как улыбаться. В лифте никого, кроме неё не было, и Анна попробовала раздвинуть губы в тёплой улыбке. Не получилось. На её лице все стало слишком унылым: опущенные уголки рта, печальные глаза запавшие, с синяками под нижними веками. С кожи уже сошёл заггар, привезённый с моря. В волосах поблескивали седые ниточки. Неужели придётся красить волосы? То, чего она всегда избегала, наконец, наступило и её? Ежемесячные окрашивания, подкрашивания и прокрашивания? Ещё и это! Мелочи. Обычно именно мелочи и добивают человека. По щекам Анны потекли слезы. Лифт раскрылся, и сосед, который, казалось, никогда не выходил из своей квартиры, ожидал её на выходе. Он увидел заплаканную Анну Витальевну, сделал вид, что ничего не заметил: а это было хуже всего. Человеческое участие даже в одной фразе и в одном сочувственном взгляде лучше, чем холодное равнодушие. Анна Витальевна зашла в холодную квартиру и опустила на кресло в прихожей.

Отсюда была видна спальня, на одной из стен которой висел стенд. Раньше до поездки на юг, к этой стене Анна Витальевна прикрепляла свои рисунки. Она любила рисовать людей,

лица, фигуры. И на любой картине для неё, как для художника, обязательно должен был быть хотя бы намёк на присутствие человека. Пусть это будет только его тень, но любая картина без людей вызывала у Ани смутное ощущение тревоги. Во время учёбы ей пришлось пересмотреть сотни таких картин известных мастеров, где не было изображения человека. Они изучали в институте такие произведения, много подобных произведений, но Анна Витальевна в своём творчестве избегала подобных случаев. Без людей всё смотрелось для неё безжизненным, и никакое буйство красок и величайший замысел мастеров искусства не изменяли, не смягчали тревогу Ани. В любое учебное задание, когда они рисовали природу, животных, натюрморт, Аня приносила частичку существования человека. Её любимый преподаватель даже посчитал это её авторским стилем. Анна Витальевна не стала ему рассказывать, какой ужас иной раз она ощущает, рассматривая мирные акварели, где на синей речной воде качается пустая лодочка, или где чудесная радуга встаёт над полем маков. Всё жутко ей, если нет людей на холсте.

Впрочем, на фанерном стенде в их с Юрием спальне уже давно не висят ни её картины, ни любимые репродукции. Все они уже несколько месяцев пылятся в папках под широкой двухспальной кроватью, а другие свёрнуты и засунуты в широкую вазу. На стенде теперь расположилась большая карта местности, где Анна Витальевна провела семь последних дней своего летнего отпуска. Она могла бы их провести, как они и намечали с Юрой: возле бассейна с морской водой с танцующими девушками-аниматорами, в номере хорошего отеля, угощаясь обильной едой со шведского стола, в беседах с их друзьями. С её друзьями. С её подругой. Они могли гулять по набережной, показывать никому не интересные свои наряды и соломенные шляпки от солнца, сплетничать о своих мужьях. У Венеры крупный добродушный муж, с которым Анна Витальевна любила пошутить. С Юрой шутить было невозможно, даже в лучшие дни их брака. Над собой смеяться он не умел, только над другими. Поэтому его шутки больше напоминали критику или издевку. И что в Юре нашла та девушка в пальто для беременных? Он же съест её, съест её молодость, её весёлость, её легкость. Анна уже и сейчас не заметила в девушке веселости. Учительница вздохнула. Жалко девушку.

Анна Витальевна переделалась в домашнюю одежду: растянутую белую майку и серые спортивного кроя штаны. Негустые, довольно жидкие светло-русые волосы, остриженные под «каре» пришлось собрать в маленький хвостик, иначе они падали на лицо тонкими прядями. Это раздражало, как раздражало и то, что нужно убирать в коробки все её разработки. Аня скрупулёзно оценивала свой опыт блуждания в лесу, записала и указала на схеме точку начала маршрута, делала подробные отметки на увеличенной карте той местности. В центре карты красным кружком был обведён дом, в котором она провела две ночи и два дня. От кружка следовала стрелка, которая вела к фотографии пожилого мужчины. Под фото были написаны сведения, которые Анна Витальевна сумела раздобыть об этом человеке. Дотошно оформленный ею стенд нужно было разбирать и готовить к переезду. Учительница беспокоилась о том, что какие-то её наработки могут потеряться или испортиться. Анна Витальевна села на кровать, не зная, с чего начать. Пришло смс от Венеры, в котором подруга интересовалась, как продвигается сбор вещей. Аня внезапно обнаружила, что ей нужно перевозить массу своей одежды, обуви, кухонной утвари, может быть, мебели. И о чем она только думает!

Иногда учительнице очень хочется достать давно забытую зажигалку и сжечь все эти схемы, карты, заметки, листочки с датами, фотографии. Невозможно об этом думать так напряжённо и так постоянно, как она это делает. Не её ли одержимость отвернула от неё мужа? Анна Витальевна вспомнила, как снова и снова расспрашивала его о том, что случилось. Поначалу он отвечал так спокойно, как только мог. Все-таки Анна Витальевна несколько недель провела в больнице под капельницами, так была слаба, когда ее нашли. Её положили в палату, рассчи-

танную на двух человек. Соседка ночевала дома и возвращалась только на время утреннего врачебного обхода. Слишком много у неё было дома дел, непутёвый муж и маленькие дети. Раньше с моральным истощением как-то жили и ничего не лечили, чай не хрустальные вазы, а обыкновенные женщины, да ещё и с облегчённым бытом: пылесос, стиральная машинка, памперсы, а, может, и посудомойка. Какое-то моральное истощение выдумали. Анна Витальевна пролежала в клинике неврозов несколько недель, но муж исправно её навещал дважды в день. Когда он успел себе девушку завести?

Анна Витальевна даже поежилась сейчас, сидя в холодной по-осеннему, ещё не отапливаемой квартире, голодная, с влажными волосами. Как славно было ей тогда в больнице! Она и не думала, что будет с благодарностью вспоминать те дни. В палате было сухо, тепло, спокойно. В коридорах чисто и тихо. В открытые окна по утрам было слышно пение птиц. Клиника находилась практически за чертой города, за нею начиналось поле и редкий лесок. Поэтому ночью было так покойно в больнице. Пациенты принимали успокоительные препараты, пребывали в мире собственных грез. Аня тоже была вся в себе и в своих мыслях. Только когда её навещал Юра, учительница выплывала из вязкого своего полусна. Анна Витальевна здоровалась с мужем, суежилась вокруг него, мыла и резала ему фрукты, которые он принёс для неё. Юра ел переспелые абрикосы, вытирая брызгающий на щеки сок бумажной салфеткой, а Анна Витальевна терпеливо ожидала окончания трапезы. Но вот Юра откладывал салфетку в сторону и видно было, что он собирался уходить. Тогда учительница хватала его за руки, заглядывала в глаза, не давала выйти из палаты.

– Ну, скажи, скажи мне личность его установили?

Юра аккуратно снимал с себя тонкие, холодные руки жены, мягко возвращал Анну в палату, уходил.

Аня садилась на свою кровать и смотрела в окно, как её высокий, стройный Юра садится в машину и аккуратно трогается с места. Он всегда берег вещи: машину, свой компьютер, обувь. У него было море специальных салфеток и средств чистки только для одежды, миллиард губок для обуви, полироль для машины. Юра берег и любил вещи, но не людей, не свою жену. Сейчас Аня понимает, что Юра сразу после больницы ездил на встречу со своей девушкой. Это же так ясно теперь, просто как Божий день ясно. Он приезжал к ней в палату каждый день для очистки совести, а, может, уговаривал сам себя, что раз жена спятила, то он, Юра, имеет право на поиск новой спутницы жизни. Это нормально, так и должно быть. Он-то не сошёл с ума и не должен погружаться в пучину безумия с Аней, тем более, что уже не любит её.

Почему он должен без конца слушать о том, что Аня заблудилась, была одна долго в лесу, что ей было страшно, что её это изменило, что она о многом передумала, что одиночество что-то в ней надломило. И так по несколько раз за день. Он молодой, крепкий, ему наследник нужен, а не бессмысленные и пустые Анины переживания. Теперь будет у него ребёнок, теперь ему нужен развод, а Аня... Ане он купит квартиру на её долю в нынешнем жилье. Юра порядочный человек и не выгонит бывшую жену на улицу, а ведь больше половины мужчин так бы и поступили. Аня глубоко вздохнула. Порядочный Юра. Ну да, так и есть.

Когда установили личность того мужчины, стало ещё хуже. Анна уже после выписки обивала порог следователя, который вёл дело. Он, едва завидев Аню у проходной, сразу понимал, что рабочий день будет тяжелым. Анна Витальевна не тот персонаж, от которого можно легко отмахнуться. Она наседали с вопросами до тех самых пор, пока не повиновалась чудесной фразе о том, что её сейчас выведут. Эти слова становились для Анны такими неожиданными, нелепыми, как ушат холодной воды. Где она, интеллигентная, интеллектуальная личность и где эти скабрёзные, пошлые слова? Что мешало следователю произнести эту фразу сразу на про-

ходной? Мешала грамотность Анны Витальевны, её знание законов, её маниакальное стремление добраться до истины. Она могла основательно подпортить ему жизнь, остаток карьеры. До отставки следователю оставалось меньше года, он терпел Аню, как мог, поэтому запускать её к себе в кабинет и внимательно выслушивал, изредка подавляя зевоту. И в конце концов, ему тоже хотелось знать, что его ровесник, мужчина 65 лет, выглядевший ровно на свой возраст, судя по последнему прижизненному фото, что он забыл в том лесу. Как он туда добрался, зачем и что с ним случилось?

Как-то раз, в один из особенно изматывающих дней, Анна подкараулила следователя возле его же дома. Когда он увидел маячившую у подъезда высокую фигуру женщины, всё внутри него опустилось от какой-то безысходности, заныла поясница, заломило виски. Он стал слишком стар и слаб для разборок. Лет десять назад он бы с высоко поднятой головой прошёл бы мимо учительницы в свой подъезд, и одна его походка подсказала бы ей: не лезь! Но сейчас он выкарабкался из своей такой же старенькой машины, как и он сам, и медленно пошёл словно бычок на заклание. Следователь горбился, и все усилия мира уже не могли поднять его головы и соорудить на лице неприязненное отношение. Он был словно рухлядь, музейная древность. Бери, и пользуйся! А хочешь, ноги вытирай. Его жёнушка предпочла вытереть ноги, и ещё год назад упорхнула из их квартиры, прихватив с собой всё, что только смогла. Следователь подумал, что Ане придётся стоять в течение их разговора у него в квартире, так как дома не осталось даже стула. Вот какие мысли туманили ему голову, пока он приближался к Анне Витальевне в тот вечер, что она ожидала его возле дома.

Как надоевшие друг другу супруги, прошедшие вместе огонь и воду, но так и не любившие друг друга, учительница и следователь поднялись в обшарпанном лифте на третий этаж. Следователь долго открывал свою дверь, словно рассчитывая на то, что Ане надоест, и она уйдёт. Но Анна Витальевна не замечала ничего вокруг, она рылась в своей сумочке в поисках блокнота, где наметила себе план беседы. Следователь жил один уже больше года, так что дух заброшенного жилья прочно осел в квартире. Стоптанные тапочки в коридоре, зимняя и осенняя одежда на крючках, неубранная с давно закончившегося сезона, запах забытой на столе еды. Аня хотела зажать нос, но удержалась из вежливости.

– Не разувайтесь, Анна Витальевна! Вы же ненадолго... Мне особенно нечего вам сказать, кроме того, что вы уже знаете.

Следователь зашёл в гостиную и сёл на диван. Аня тоже вошла, но перед этим сняла обувь. К ступням тут же приклеились крошки с пола.

Аня облокотилась о подоконник и оказалась напротив сидящего следователя. Он хотел было похлопать на диван рядом с собой, чтобы Аня села, но опасался её реакции. Учительница была напряжена и суетлива. Она развернула свой блокнот и приготовила ручку.

– Мне нужен его адрес. Я не могу найти его самостоятельно.

– Зачем? Зачем вам его адрес? – удивился следователь.

– Зачем? Потому что вы ничего не делаете! Ничего не выясняете, не расследуете!

– Анна Витальевна, успокойтесь! Помилуйте, но что мы должны выяснять? Всё ясно. Найдено тело мужчины без видимых признаков насилия, личность установлена. Мужчина просто умер. Возраст за шестьдесят. Что вы хотите? У нас, знаете ли, не все мужчины и до такого возраста доживают.

Следователь собрался рассуждать об экологии, о стрессах, затронуть темы геополитики, но увидев глаза Анны Витальевны осёкся. Её прозрачно-голубые глаза и в обычном-то состоянии грозили выпрыгнуть наружу, а тут учительница была возмущена, поэтому взгляд стал устрашающим. Ни дать, ни взять сиамская шипящая кошка перед прыжком.

– Без видимых признаков насилия? Это как понимать? То есть бывают ещё невидимые признаки? Тело, вообще, вскрывали? Изучали?

– Я не собираюсь вам рассказывать о профессиональных нюансах нашей работы. Если вам так интересно, посмотрите документальные фильмы, я не знаю... И... Вы ночью спите? У вас нездоровый вид.

– Что? Причём тут это? Причём тут я?

– Вы много пережили. Я понимаю. Но и вы войдите в моё положение.

Следователь встал и заходил из угла в угол, сложив руки за спиной словно арестант. Он устал сидеть весь день в своём кабинете и предпочёл бы сейчас лежать и смотреть телевизор в прикуску с чаем и бутербродами.

– Вы ставите меня в идиотское положение... Вы записываетесь ко мне на приём, сидите под кабинетом, обрываете рабочий телефон. На меня косо смотрят в отделе кадров, а мне между прочим, скоро пенсию оформлять. Может, для пушного эффекта вы на меня жалобу накатаете, что я не справляюсь со своими профессиональными обязанностями? Поймите, наконец, над установлением личности и над выяснением обстоятельств того дела работал не я один, а целый коллектив. Была проведена посмертная экспертиза. На теле не обнаружено ничего, за что можно было бы зацепиться.

– Ага! Но отчего же он умер? Причина в чем? Или это военная тайна? – с волнением затараторила Анна Витальевна и приготовилась к долгой схватке, сделала глубокий вдох.

– Нет никакой тайны! Но я не должен с вами это обсуждать. И не придумывайте себе фантазии ваши. Я не должен с вами это обсуждать только потому, что вы не родственница того мужчины. Вы посторонний человек! Хотя и провели с ним в одном доме две ночи...

Анну Витальевну передёрнуло после его последних слов. Она сделала несколько глотательных движений, чтобы сдержать приступ тошноты, побледнела, в ушах послышался звон. Следователь испуганно поднялся.

– Простите меня. Но вы постоянно провоцируете и вынуждаете говорить резко. Ну так же нельзя!

Он усадил посетительницу на продавленный тут и там диван, а сам пошёл на кухню, включил электрический чайник, стал отыскивать чистую чашку. От досады за испорченный вечер губы у следователя подергивались. Анна слышала, как следователь хлопотал на кухне, ей было неудобно причинять столько беспокойства, но она уже не спала нормально несколько ночей подряд. Она должна узнать адрес мужчины. Должна, если хочет хотя бы немного успокоиться!

– Вам помочь?

– Вы поможете мне, только если сейчас же уйдёте! Я не могу разглашать обстоятельства расследования, ясно вам, Анна Витальевна? Вы же взрослый, интеллигентный человек! Идите домой, накормите мужа ужином, поговорите с ним, сходите в кино! Дался вам наш «висяк»!

– Значит, все-таки «висяк»?

Следователь нашёл, наконец, чистую чашку, поместил туда пакетик чая, залил кипятком, с лёгким удовлетворением наблюдая, как и чайный пакетик и нитка с этикеткой под струёй кипятка, погружаются на дно чашки. Всё с этой женщиной не так! Даже пакетик чая!

– «Висяк» в том смысле, что это дело даже не подразумевает обвиняемого. Здесь естественная смерть, естественное исчезновение. Мужчина просто заблудился в лесу и умер от истощения. Всё. Здесь нечего копать, Анна Витальевна!

– Так вскрытие показало? Что он умер от голода и жажды? Но в той хижине была и еда, и вода, в том же шкафу, откуда выпал Нефёдов. И вы сами это прекрасно знаете! А причина, по

которой этот мужчина оказался так далеко от цивилизации, вам известна? Вы это выяснили? Может, он бежал от кого-то? Может, его преследовали? Здесь слишком много вопросов, чтобы можно было спокойно закрывать дело! А вы его закрыли! Это нечестно и неправильно! А если бы этот мужчина был бы вашим родственником, отцом?

Голос Анны всё звенел и переливался на высоких нотах. Следователь поморщился.

– Послушайте, я не должен перед вами отчитываться и что-то вам объяснять. Перестаньте бегать за мной как собачонка! Иначе я...

– Что? Что иначе? Вы мне угрожаете? – у Анны от возмущения перехватило дыхание.

– Я старый человек. У меня скоро инфаркт случится от ваших штучек! Просто оставьте это дело, как есть. Поверьте моему опыту, здесь нет никаких светлых пятен. Никаких загадок.

Анна пробыла у следователя тогда ещё с полчаса. Она тараторила, суежилась, просила, чуть не хватала за руки, обещала оставить его в покое, если он даст адрес того мужчины. У следователя разболелась щека, он подумал, что у него флюс, а это по прошлым воспоминаниям, было страшно, больно и неэстетично, а ему нужно на днях выступать в суде. Если он часто будет подводить начальство, то никто не будет держать его, даже, несмотря на его прошлые заслуги. Выгонят, и дело с концом. Где он найдёт работу за полгода до пенсии? Только сторожем в детском саду? А до пенсии нужно как-то жить, кормиться, заправлять свой старенький автомобиль, платить за коммуналку!

– Анна Витальевна, если я дам вам адрес этого Нефёдова, вы перестанете преследовать меня?

Анна не ожидала, что следователь все-таки сдастся, и в первую секунду не смогла произнести ни слова. Её словесная борьба была в самом разгаре, а тут такой поворот, и капитуляция. Она просто не успела затормозить!

– Конечно, перестану! Вы просто скажите, где он жил...

И потому, как Анна это сказала, с какой нерешительностью и искусственностью, следователь понял, она не отвяжется от него никогда. Ни сейчас, когда он больше всего мечтает лечь и включить телевизор, ни потом, когда до выхода на пенсию останутся считанные дни.

И такая тоска навалилась на следователя, такое тяжёлое разочарование собственной жизнью, карьерой, женой, друзьями, коллегами, захлащенной квартирой, ржавой машиной, подступающей осенью. Если бы он был бы женщиной, то расплакался бы сейчас прямо перед Анной. Может, тогда она бы сжалась перед ним. Вместо этого, как во сне, следователь взял бумажку с ручкой с подоконника и написал адрес мужчины, чей труп нашли в той злосчастной хижине, телефоны его родственников. Аня взяла листок из рук следователя и пробежала его глазами, так словно в нём был написан ключ к её спасению. Да так для неё и было. Если она не получит адреса, то не заснёт больше никогда, а тогда сумасшествие и уже не клиника неврозов, а психиатрическая больница!

– Что вы собираетесь делать? Вы же не сотрудник полиции, и родственники мужчины имеют право с вами не разговаривать. Они могут вас даже на порог дома не пустить. И ещё, я убедительно прошу не упоминать моего имени.

Анна Витальевна отрицательно помотала головой, подкрепляя свои слова действием:

– Нет, конечно, я не буду говорить о вас. Зачем мне это?

– Действительно, зачем. А как вы объясните, откуда у вас взялся адрес?

– Не волнуйтесь, что-нибудь придумаю.

– Э, нет, так не пойдёт. Что вы можете придумать?

– Ну, я собираюсь сказать правду. Сказать, что это я обнаружила их мёртвого родственника. Что я провела с ним в хижине две ночи, совсем об этом не догадываясь. Знаете, люди

гораздо добросердечнее, чем вы думаете. То, что я оказалась в том, же месте, что и их родственник, уже связывает нас. Может, они захотят узнать, как всё случилось, моё мнение, мои ощущения. Я уже не посторонний для них человек, понимаете? Мне и придумывать ничего не придётся.

Следователь поскреб задумчиво подбородок.

– Возможно, вы и правы, Анна Витальевна, но все-таки позвоните этим людям, прежде, чем приезжать с бухты-барахты.

Когда Анна Витальевна ушла, следователь себя долго ругал за то, что сдался перед ней, и раскрыл адрес погибшего. Потом он все-таки лёг и постарался отвлечься просмотром какой-то легкомысленной передачи. Чему быть, того не миновать. Фатализм стал проявляться в его отношении к жизни после ухода жены и приближения пенсионного возраста. Жизнь переходит в новую фазу. Что-то будет дальше... Перед сном следователю стали приходиться в голову навязчивые мысли о том, что его судьба может закончиться так же, как и судьба того мужчины, чей труп не даёт покоя Анне Витальевне. Часа в три ночи следователь проснулся в поту после того, как явственно почувствовал, что в его руку впилась летучая мышь из злополучной хижины. Следователь помассировал руку, которую отлежал, и через два часа прекратил бесплодные попытки уснуть.

Анна Витальевна постучала ручкой по столу.

– Ребята, сегодня мы будем рисовать свою семью.

Девочка, сидящая напротив, тут же взвила ручонку:

– А всех рисовать? А животных можно? А у нас нет ни собачки, ни кошки дома, но можно я нарисую? Я так хочу собачку, но папа не разрешает!

Больше никто не обратил внимания на то, что сказала учительница. Дети обсуждали свои мелкие дела, кто-то смотрел в окно на дождь. Анна Витальевна тоже отвлеклась. Если бы тогда в лесу был бы сильный дождь, и она бы промокла, то, возможно, сейчас бы не сидела в классе среди этих непосредственных мальчиков и девочек. Скорее всего её бы не существовало. Она бы схватила долевую пневмонию и умерла бы, как и тот мужчина. Анна Витальевна еле удержалась от поездки к его родственникам в тот же вечер, как узнала у следователя адрес мужчины. Её остановил только поздний час и нежелание начинать знакомство в суетливой, нервной обстановке.

Анна Витальевна встала из-за своего стола и принялась ходить по проходам между партами. Странно, такое нехитрое действие отлично выполняло функцию контроля. Детская активность заметно снизилась, ребята и вправду начали рисовать и меньше болтали. Давно Анна читала, что чужим собакам нельзя долго смотреть в глаза, так как это может вызвать агрессию. Своему же домашнему питомцу наоборот при случае следует пристально посмотреть в глаза, ибо этот нехитрый приём устанавливает иерархию, показывает псу, что хозяин важнее, главнее всех. Домашний питомец обычно отводит глаза, начинает чувствовать себя виноватым. Что ж с детьми, оказывается, тоже срабатывает установление иерархии. Анна физически возвышается над ними, медленно и важно ходит по классу, глядит сверху вниз на хрупкие затылки, склоненные над акварелью, а дети смотрят на учительницу снизу-вверх, и это их приструнивает. Анна вдруг устыдилась своих мыслей, села снова за стол. Пускай орут и бегают свободно пока дети. Вырастут, и чьи-то другие глаза и действия заставят этих маленьких пока людей плясать под свою дудку.

Девочка с косичками протянула учительнице законченный рисунок и звонко сообщила, что успела его нарисовать быстрее всех. Черты лица Анны Витальевны смягчились. Она видела на белом листе карандашные наброски: в центре мама, папа, а сама девочка – маленькая зако-

рючка в углу. И как вот быть с таким рисунком? Как его объяснить? То ли девочка ощущает себя неважной в семье персоной, то ли так хотела быстрее закончить работу, чтобы её похвалили, так как дома в ней души не чают, и она привыкла к похвале.

– Давайте-ка мы добавим немного красок, как ты считаешь?

– Я забыла краски. Мама мне их не положила.

– Давай моими.

Анна Витальевна протянула свою акварель с кисточкой, потом встала к маленькой раковине возле двери, наполнила чуть желтоватой водой банку и поставила девочке на парту. Ученица принялась рисовать солнышко над своим изображением. После звонка на перемену дети разбежались, оставив за своими столами незаконченные рисунки. Анна Витальевна стала их собирать. В основном, были нарисованы небольшие по количеству людей семьи. Один-два ребёнка, иногда мама и папа, чаще одна мама и кошка или собака. Кто-то нарисовал в качестве члена семьи аквариум со множеством рыбок. Только на одном из рисунков Анна Витальевна заметила действительно большую семью, где были и родители, и бабушки с дедушками и много разновозрастных детей. Анна Витальевна сразу вспомнила о своём стенде, размещённом в спальне. Вся правая его часть была заполнена надписями имён родственников того мужчины из хижины.

Поначалу Юрий смотрел на её стенд с фотографией умершего спокойно, с лёгким чувством недоумения.

– Зачем ты пишешь имена его родственников?

– Я хочу разобраться, что случилось, почему он оказался там, где оказался.

– Но как тебе в этом помогут имена его родственников? Ты собираешься их всех навестить?

С каждым таким разговором у мужчины росло ощущение тревоги, раздражительность. Теперь-то Анна знает, что тогда у него была активная параллельная жизнь с другой женщиной. Конечно, от Анны с её одержимостью так хотелось сбежать. Сбежать к нормальной жизни, нормальной девушке, а теперь ещё и к нормальной семье, где, кроме двух взрослых есть ещё и ребёнок. Даже, если сейчас Анна Витальевна возьмёт себя в руки, сожжёт все свои материалы, этот стенд, перестанет возвращаться мыслями снова и снова к тому лесу, ничего уже не станет прежним.

Зачем они туда поехали? Зачем был тот отпуск? Кому первому пришло в голову посетить самый крупный дендрарий на юге страны, где летом так много людей, и заблудиться нет никаких шансов. Но Анна смогла заблудиться.

Да, кажется Венеркиному мужу и пришла в голову мысль прогуляться среди растений разной степени высоты, пахучести и привлекательности. Как он восхищался бамбуковым гладким деревцем! Всё хотел утащить домой бамбуковую ветвь, но подходящих на земле не было. Как ему нравилось позировать возле фонтанов и скульптур! Венера тыкала Анну Витальевну в бок и весело сокрушалась о том, что в мужья ей достался сущий ребенок, и о любви к нему, как к мужчине, речи уже давно нет. Анна Витальевна многое бы сейчас отдала за поддержку именно такого мужа, который развеселит, сгладит острые углы и не будет делать трагедию из-за её стенда. Да, на стенде и вправду много информации о родственниках умершего. У него было только три официальных супруги. Дети были у первых двух, последняя супруга была уже не в том возрасте, чтобы планировать детей на тот момент, когда они вступили в брак. И, если Анна Витальевна, правильно выяснила, у последней супруги уже имелись собственные довольно взрослые дети, так что выходила она замуж не для продолжения рода, а для единения душ.

– Ну что ты глупостями занимаешься? Пишешь какие-то записульки, сплетни старых маразматичек, консьержек и соседок! Такая информация разве может быть правдивой? Может, этот твой умерший Нефёдов, вообще, не был женат. Может, он был счастливчиком, который избежал вечных разборок с женой по поводу и без повода...

Юра стал ворчать на Анну каждое утро перед тем, как уйти на работу. Естественно, ему было непривычно, что жена вместо того, чтобы по обыкновению заполнить своё утро приготовлением завтрака для мужа, клеит свои бесчисленные стикеры и прикрепляет кнопки, словно расставляет капкан на карте местности. Поток раздражения можно было заткнуть только сырниками с собственноручно закатанным вареньем или яичницей-глазуньей. Но Анна Витальевна упорно занималась своим стендом, едва просыпалась, не успевая принять душ, не успевая приготовить завтрак мужу.

– У меня точные сведения. Следовательно мне их дал, так что перестань мне мешать. Я хочу понять, почему при обилии родственных связей, Нефёдова никто не искал, никто не заявлял в полицию о его исчезновении. Ясно?

Юрий смотрел на жену, как на необычного жука смотрит энтомолог, наливал себе чашку растворимого кофе, и уходил из квартиры, громко хлопнув дверью.

Анна Витальевна утопала в своих воспоминаниях. Тогда приходила на помощь Венера. Точнее приезжала за рулем своего новенького авто. Её добродушный и с виду во всём положительный муж понимал толк в хороших вещах, поэтому покупал для семьи всё самое лучшее. Венера отлично водила, была верной подругой, в общем, казалась сотканной, как и её муж только из положительных сторон. Она хотела помочь Анне перестать копать в той неделе блуждания по лесу.

– Я уже сто раз отругала мужа за покупку тех билетов в дендрарий! Что за роковой идиотский поступок! Сидели бы на пляже и прогуливались бы по набережной, как все нормальные люди. Нет, потянуло его!

– Послушай, в дендрарий тоже ходят вполне себе нормальные люди. Это мне одной посчастливилось заблудиться там. Я один случай на миллион.

– Ты завязла в прошлом. Уже прошло три месяца, нужно двигаться дальше.

– Не понимаю этих слов. Двигаться дальше? Как будто всё куда-то движется. Куда? Когда? Зачем?

– Ты права. Слова и правда глупые. Но суть у них ясная. Не заикливайся на том, что уже прошло. Всё закончилось! И закончилось для тебя хорошо. Не так как для этого бедного...

– Нефёдова. – Закончила Анна.

Зато Анна Витальевна со стороны наблюдая, как рушится её жизнь, иногда хотела, чтоб как у Нефёдова все разом и закончилось. И нет больше ничего. Пустота. Ватная густая пустота, небытие, исчезновение. Но все-таки почему его не искали? Целый сонм родственников, коллеги с работы, соседи. Был человек и нет человека. Следовательно тоже мечтал, чтобы Аня испарилась из его жизни. Ну кому сказать, не поверят! К нему, к уважаемому сотруднику, к владельцу бесчисленных званий лучшего юриста района почти в каждом из прошедших лет пристаёт потерпевшая? Даже не потерпевшая, а второстепенная фигурантка! И пристаёт так, что ему впервые пришлось идти в ведомственную поликлинику и просить таблеточек от давления. Врач с его участка, молоденький, но уже с бородкой кардиолог радостно вцепился в следователя и принялся с жаром отрабатывать практику на живом примере.

– Сдадите кровь завтра, сделаем вам кардиограмму, ну, вы совсем, конечно, за собой не следите! В вашем-то возрасте не иметь дома тонометр и не принимать постоянно препараты для контроля за давлением? Удивительно, как вы жили до этого?

– Так и жил. – Буркнул себе под нос следователь.

Ему бы так хотелось рассказать, что все эти рекомендации от врача ему безразличны, и совсем по иной причине, чем врач мог бы подумать. Что толку воздерживаться от соли, раньше ложиться спать и заниматься физическими упражнениями, когда в любой час дня и ночи, ему может позвонить Анна Витальевна со своими дикими вопросами и идеями. В какой-то прекрасной в кавычках момент она начала называть родственников Нефёдова не иначе, как подозреваемыми в этом странном (её слова) и запутанном деле. Что мешает следователю пожаловаться на Анну, сменить телефон, грубо оборвать всё связи? Прежде всего мешает тот факт, как далеко он зашёл. После первых вынужденных откровений, Анна Витальевна наехала на него, не давала передохнуть. Следователь уже всюду витал в облаках, собирал бумажки для выхода на пенсию, планировал продать квартиру и уехать в менее населённый город. Кто мог подумать, что обнаружение Нефёдова в лесной хижине обойдётся ему так дорого! Если сейчас следователь перестанет общение с учительницей, то у него есть весомые шансы уйти в отставку досрочно, с позором... Анна Витальевна продолжит свои изыскания, найдёт себе другую жертву в управлении, но перед этим успеет здорово ему испортить репутацию. Достаточно вспомнить их последнюю встречу.

Начиналось всё стандартно. Её просьбы, его дипломатическое увиливание, её настырность, его упрямство, её истеричность, его спокойствие. Показное спокойствие.

– Ещё раз я увижу вас у своего кабинета, и у меня случится инфаркт! Имейте совесть, имейте уважение!

– Но я же не прошу ничего сверхъестественного! Дайте мне список его родственников, я сама всё выясню, что мне нужно!

– В том-то и дело, что это нужно именно вам, а мы тут не богадельня! Вы хотите душевную свою успокоить или заинтересовать, не знаю, что у вас там за тёмная дыра в сердце, что вы хотите выяснить всю подноготную этого бедного Нефёдова. Ау! Зачем вам это? Это не несёт никакой практической пользы!

Анна Витальевна выглядела после его слов так, будто её окатила проезжающая машина водой из грязной лужи. Она была бледная, худая, издерганная. Что с ней, в самом деле, такое? И в больничке уже лежала, ну должны же были её как следует подлечить, объяснить, что в жизни всё бывает, и можно случайно увидеть труп, и даже прожить с ним на расстоянии нескольких метров пару ночей. Ничего в этом нет катастрофического. Всё бывает и всё проходит. Что она себе там навывдумывала!

Следователь говорил так громко, что закашлялся, покраснел, начал задыхаться. Анна всерьёз испугалась и стала искать глазами по столу графин, чтобы налить воды. В графине покоилась слегка мутноватая жидкость, и когда Анна наливала воду, то увидела, как частички накипи начали свой беспорядочный танец. Аня подала следователю воды, он начал жадно пить, подавился, закашлялся. В кабинет заглянул удивлённый сотрудник.

– С вами всё в порядке?

Следователь жестом показал на Аню и выдал из себя:

– Уберите её от меня.

Следователь почти визжал. Сотрудник растерянно поглядел на Аню, не зная, куда девать руки. Аня покорно вышла из кабинета, а у следователя поднялось давление. Ему было неприятно, что он так сорвался. За окном шумно ездили машины, светило неяркое осеннее холодное солнце. Аня неторопливо удалялась от здания. На её пути попадались редкие деревья с голыми ветками. Она подошла к невысокому деревцу и обняла ствол обеими руками, глубоко вдохнула запах коры. Воспоминания хлынули на неё, а неловкость от недавней встречи со следователем

мгновенно испарилась. Она должна узнать, почему Нефёдова не искали, как он там оказался, кто его родственники, почему они так с ним поступили.

– Венера, ну вот ты сама только подумай! Твой муж вчера принёс сумки с продуктами, затащил их домой, плюхнул на пол, потом с твоей хрупкой и ленивой помощью разбирал пачки масла, пельменей, коробочки с йогуртами, вы всё ставили в холодильник, перебрасывались шуточками...

– У тебя идеалистические представления о нашей семье, – заметила подруга.

– Не перебивай. Допустим. И вот вы там поужинали, ты приготовила что-то быстрое и лёгкое, как обычно, но муж тебе и слова не сказал, не начал рассуждать о том, что в других гипотетических семьях какие-то гипотетические чудесные жены готовят каждый день сложно-сочиненные блюда три раза в день.

– Тебя заносит, Ань. Я приехала тебе помочь с вещами. Твой муж и попросил ведь. Не наговаривай на него!

– Мой бывший муж, – с расстановкой ответила Аня, чеканя каждое слово, – попросил тебя помочь мне, чтобы я как можно скорее освободила это прелестное гнездышко для него и его новой пассии.

Венера вздохнула:

– Прости, я не знала, что так далеко зашло. Юра сказал, что вы решили пожить отдельно. Я думала, это временно. Вот же поросёнок... И меня ещё приплел.

– Да, он поросёнок, но я не об этом совсем, я о том, что вот такой вот твой близкий и прекрасный муж поужинал с тобой, лёг спать, а утром ты встала – а его нет. Нет в спальне, нет на кухне, нет в квартире, боже мой, нет в городе! И... и какие твои действия?

– Первым делом, я наполню ванну с пеной и лягу туда на полдня с книжкой или с интересным сериалом!

Аня беззвучно ухмыльнулась.

– Ну, хорошо, а дальше? Когда он не придёт домой вечером? Обратишься в полицию?

– Ну, конечно обращусь!

– Вот! А родственники Нефёдова не обратились. И родственников этих у него выше крыши, понимаешь?

– Может, он ни с кем из них не общался. А, может, он был таким человеком, с которым никто и не хотел иметь дел. Нефёдов твой мог быть скандальным и невыносимым, чего его искать? Все только вздохнули с облегчением...

– Даже, если и так, то всё равно родственники ищут и беспокоятся.

Венера начала распрямлять большие картонные коробки для переезда. Звук картона был неприятным, проникал в голову. Аня поежилась.

– Юра даже не показал мне квартиру, которую подарил с барского плеча. Воображаю себе, что это будет за чудо!

Аня оглядела родные стены. Она осознала, что больше здесь не появится никогда. Она прикоснулась к обоям, погладила ладонью подоконник. За окном было сумрачно, неуютно. Не хотелось покидать своё, уже не своё жильё...

Пришлось совершить несколько спусков к машине. Юра не предъявлял каких-то особых требований к тому списку вещей, что Аня унесёт с собой. Надеялся на порядочность бывшей супруги. Только попросил не забирать не подъёмную кофе-машину, которую и при желании Анна забрать бы не смогла. Она упаковала вместе с Венерой два комплекта постельного белья, несколько крупных полотенец оливкового цвета, подушку и большое тяжёлое одеяло, свой шампунь и туалетные принадлежности, целый ворох одежды, обувь, тонны книг и пыле-

сос. Оказалось, что быт не приемлет никакого романтизма, и в коробке с кастрюлями лежали её незаконченные картины, а в коробке с нижним бельём и колготками приютились томики Толстого и Ремарка. Это они с Венерой поначалу пытались складывать вещи по уму, согласно их нужности, цели использования, но, когда за окном начало темнеть, обе женщины, не сговариваясь, принялись заполнять коробки всем, что попадалось на глаза и имело отношение к Анне.

– Берём этот стул? – Венера указала на стул возле компьютерного стола.

– Берём, это я его выбирала.

– Берём эту лампу?

– Да. Это мне её Юра на распродаже купил.

Так что почти все вещи, которые были в квартире, имели отношение к Анне, и пока не осталось ни одной свободной коробки, они с Венерой остановиться не могли. Почему нужно оставлять тут пол своей жизни? Всех этих вещей касалась Анна, протирала, переставляла, холила и лелеяла. Почему она должна тут это оставлять, новой супруге? Это её, Анны! И она возьмёт это с собой!

Новый адрес, где теперь предстояло жить Анне, был написан на листочке у Венеры. Окраина. До школы придётся добираться на двух автобусах. И даже не это обидно, а то, что придётся и платить за две автобусные поездки. Для зарплаты учителя это ненужный расход. С другой стороны, Аня может взять в школе дополнительную нагрузку, или, допустим, возвращаться домой после высадки с одного автобуса пешком. Такие мысли у неё были в голове, пока она сидела на пассажирском сидении в тёплой просторной машине своей подруги. Венера вела автомобиль уверенно и спокойно, почти величаво, отдавая приказы нажатием педали и лёгким поворотом руля. Почти никаких эмоций, только чёткое следование командам навигатора. Через двадцать минут Венера подъехала к двухэтажному старому дому, даже не кирпичному, а деревянному. Дерево было какого-то тёмного закопченного света. В немногочисленных окнах горел сырно-желтый свет. Возле подъезда стояла узкая лавочка, на которой сидели две старухи. У одной на руках была пушистая кошка. Старухи молча наблюдали, как Анна с Венерой затащивали коробки в подъезд.

Молчание изводило старых женщин. Кошка убежала по своим делам. На улице было темно, холодно. Пара фонарей освещала небольшой двор без качелей, песочниц и прочих признаков заботы о подрастающем поколении. Вокруг были только ржавые гаражи. Надтреснутым голосом одна из старух начала беседу с другой.

– Думаешь, шумно теперь будет? Опять квартиру Нинка сдала, чтоб ей пусто было!

– Точно шумно будет. Две девицы молодые заселяются, сама-то как думаешь? Мужчин водить начнут, праздники отмечать, ох, и намучаемся, как в том году с наркоманами теми!

Аня слышала, что бормочут будущие её соседки по дому, но разочаровывать их не хотела, не до этого. Зато Венера, закончив с коробками, вдруг оказалась напротив сидящих старух, поместила руки в боки, насупилась:

– Девчата, это Анна Витальевна, школьный учитель. Купила квартиру. Жить здесь будет, не снимать. Есть ли ещё какие-то вопросы?

Старухи были ошарашены обращением "девчата", так что кроме, как кряхтением никак не отобразили сложный мыслительный процесс, что происходил у них в головах. Наконец, та, с чьих колен сбежала кошка, выдавила из себя, обращаясь ко второй старухе:

– А я тебе и говорю, что нормальная женщина въехала, тихая и интеллигентная!

На окнах не было штор. Квартира была однокомнатная, на первом этаже, окна большие, с замызганными рамами. Вообще, вся квартира требовала генеральной уборки, а в лучшем слу-

чае – капитального ремонта. На кухне возле газовой плиты кружки жёлтого жира можно было срезать ножом, в ванной плитка обзавелась чёрным налётом плесени, на унитаз было страшно смотреть. В единственной, надо сказать, просторной комнате было так холодно, что казалось, будто ветер колыхал бы тюль, если бы он существовал бы. Венера рухнула в кресло, стоящее в углу комнаты. У Анны опустились руки. Контраст был слишком велик с той квартирой, из которой подруги только что выехали. В обоих помещениях было холодно и неудобно из-за ещё не включённого властями отопления, но в той покинутой квартире жила надежда и вера в то, что там станет уютно, как только помещение прогреется. Здесь же надежды не было. Тонкий круглый коврик на полу только подчёркивал разбитость этой неухоженной квартиры. Даже, когда здесь будет тепло, ничего не изменится. Может, даже станет хуже, потому что ждать будет больше нечего.

Ничем не лучше тёплое старое израненное временем и бывшими жильцами помещение. Запахи быта от тепла расцветут ещё больше.

– Интересно, Юра хоть видел, на что тебя обрекает?

– А ты его ещё и хвалила!

– Каюсь. Мне страшно тебя тут одну оставить. Надо срочно купить шторы, мы здесь как на ладони. С улицы видно всё. Просто кошмар!

– Да. Успокаивает только то, что здесь навряд ли ночью из дома выходит хоть одна живая душа...

Аня подошла к широко разложенному дивану, на котором лежал старый матрас, покрытый пятнами.

– Фу, я даже спать на таком не смогу!

Они с Венерой спустили матрас на пол и поволокли его в коридор. Хотелось есть и пить, но в квартире неприятно было ни к чему даже притрагиваться. Было гадко.

– Вот, что я тебе скажу, Аня! Мы здесь не будем ночевать. Сегодня я отвезу тебя к нам, а завтра я попрошу Вовку оплатить тебе услуги по профессиональной уборке. К вечеру ты вернёшься сюда, и здесь уже можно будет жить. А пока здесь будут убираться, мы съездим и выберем тебе шторы. Так и убила бы Юру, если бы сейчас увидела! Гад!

Аня кивнула.

– Гад. Я не знаю, как тебя благодарить. У меня такая чёрная полоса. И никак не закончится, как мы вернулись из отпуска.

– Это для нас было отпуском, для тебя – нет. Не представляю, что ты пережила. Как ты выжила!

– И мне верится с трудом, что я перенесла такое. А знаешь, что самое обидное? Что непонятно, зачем я это пережила, ради чего, чтобы сейчас вот так со мной Юра поступил? Выкинул, как грязный мешок...

Аня согнулась пополам и заплакала, как не плакала давно, с самого детства, когда упала с каруселей и её отвезли в приёмный покой зашивать голову. Тогда от страха, от белых блестящих кафельных плиток на стенах, от металлического столика с непонятными инструментами, боль в процедурном кабинете сразу улетучилась. Отец в тот же вечер выкорчевал из земли старую ржавую карусель и оттащил с другом её на помойку. Во времена Аниного детства о площадках с резиновым безопасным покрытием никто и не слыхивал. Под каруселью красовался песок с камнями, которыми и расшибла голову Аня. У неё до сих пор на лбу есть маленькая дырочка, которую не видно, когда Аня совершает макияж по всем сложным правилам «мей-капа». Она же художница, и может нарисовать себе любое лицо. Кроме счастливого.

А ведь начиналось всё так легко и непринуждённо. Та поездка была долгожданной. Юра сначала не хотел, чтобы они ехали вместе с Венерой и с Вовкой, но, когда Аня заставила себя говорить об этом, как о свершившемся факте, Юра отступил и сдался. Вчетвером, так вчетвером. Аня уже давно не испытывала радости в одиноких поездках с Юрой, он вечно бесился за рулём, давая скабрёзные прозвища женщинам-водителям. Анна сначала протестовала, когда слышала ругательства, потом игнорировала, потом смирилась. Не её же обзывают, а других. Присутствие её друзей будет сдерживать Юрия в рамках. На это рассчитывала Аня, уговаривая их на совместную поездку. Впрочем, Венеру долго уговаривать не пришлось. Она как раз скинула вес и находилась в своей лучшей форме.

– Если не сейчас, то никогда. Я вес снова наберу, ты же знаешь, но пока я такая вот красивая, ты фотографий мне понаделаешь, идёт?

– Конечно, идёт!

Воодушевление от предстоящей поездки наполняло привычные будни Анны давно забытым на антресолях весельем. Она напевала, пританцовывала, излучала радость. Даже Юра смягчился и невольно стал ожидать от поездки чего-то большего, чем обычно. Не бытовых ссор, а, может, отдыха, блаженства, неизведанного.

Выбрали самый популярный летний курорт нашей страны. Гостиница располагалась в двадцати километрах от центра города. До моря было рукой подать. Место было сказочным, живописным, днём суетливым, ночью покойным, именно, так, покойным. Только стрекот цикад, бесконечный, немыслимо назойливый, когда хотя бы на секунду задумаешься о нем, непрерывающийся сопровождал весь их отпуск. До гостиницы добирались на экспресс-поезде. Анна Витальевна прилипла к окну сразу, как они вчетвером заняли все сиденья отсека. Их маленький мирок иногда омрачали придирки Юры к своей жене. Венера то и дело внутренне фыркала и стреляла глазами на всех участников беседы.

– Почему ты сидишь возле окна? Это мой билет, я же выбирал! Теперь будешь то и дело переходить через мои ноги то в туалет, то подышать. Ты же не можешь долго находиться на одном месте!

– Но ты же ничего не сказал, когда я садилась к окну, теперь тебе приспичило! Оставь уже меня в покое!

И Венера все смотрит и смотрит на Аню и глазами спрашивает её, как ты это терпишь. А Аня пожимает плечами и снова прижимается к стеклу. Потом пролетает минута, другая, и Юра втягивается в беседу с Вовкой, который то ли не замечает, как Юра себя ведёт, то ли ему всё равно. Мужчины... Мир снова наступает среди них четверых до нового взрыва раздражения, который Аня с незаметным для себя и окружающих напряжением ожидает.

Время в поезде шло томительно долго. Венера через полчаса после начала поездки стала шуршать пакетиками с припасенной едой. Словно белка, маленькая и вездесущая, она начала торопливо поглощать орешки. Вовка тоже присоединился к её пиршеству, но отрывисто, неторопливо. Засунет свою громадную лапищу в пакетик Венеры, вытащит горсть, закинет в рот и медленно жуёт словно пробует блюдо из именитого ресторана. Сам при этом большими выпуклыми глазами провожает проносящийся пейзаж за окном. Когда орешки закончились, Анна облегченно вздохнула. Не успел Юра её обвинить в том, что она совершенно не подготовилась к поездке. Не то что Венера, не то, что все разумные женщины во всех поездках мира. Некоторое время Венера посвятила пустой болтовне с Вовкой, посвящённой смешным и непривычным для уха названиям. Лоо. А кто там живёт? Лооняне? Лоозцы? Супруги посмеялись. Аня с привычной белой завистью посмеялась с ними тоже. Потом Венера снова зашуршала и достала булочки.

– А как же фото в прекрасной форме? Ты эдак форму до пляжа не сохранишь! – пошутила Аня.

– Ну не всё же толстеют от одного вида пирожка, – добавил Юра со скучающим видом, не забыв при этом критически оглядеть фигуру Ани.

Аню будто ударило обухом по голове. Кровь прилила к щекам. Привычная боль, не интересная никому, даже ей самой уже. Только тело инстинктивно сжимается, разум научился не реагировать, избегать, не замечать. Венера добавила сверху какую-то шутку, как будто сверху закрыла некрасивый торт затейливым коржом. Болото, месиво. Вовка продолжал жевать, вероятно сто раз пожалев о том, что едет с ними на юг. На немногочисленных остановках люди выходили покурить, размять ноги, вдохнуть густой запах жары, цветов, незнакомого места. Аня тоже хотела выйти, но рядом сидящий муж мог сказать ещё какую-то колкость. Аню спасла Венера, легко и непринуждённо заметив, что на следующей остановке ей нужно купить пластиковые сланцы для захода в воду по камням на пляже.

– И мне захвати! – велел Вовка. – Надо беречь свои пяточки.

Смешно было слышать такие слова из уст этого великана. Аня невольно улыбнулась, вспомнив с какой дотошностью её муж покупает себе даже пару носков, не то, что обувь.

Походы по магазинам с Юрой это была всегда отдельная и весьма долгая история. Муж критиковал всё и вся, оскорблял и возмущался, не слишком заботясь о том, услышат ли его консультанты. Ему нужно было что-то такое же, но с другими пуговицами. И они это искали, искали, пока Аня не просила оставить её в каком-то кафе на «фудкорте». Тогда муж фыркнул на неё, что она не выносливая, и продолжал свои поиски самостоятельно. Поезд остановился. Аня растерянно посмотрела на мужа. Выпустит ли он её на перрон? Но, оказалось, что перешагивать через его колени, обтянутые синими джинсами, не придётся. Он сам решил размяться. Так что, когда она со всевозможными извинениями и ужимками начала вставать со своего места, Юра тоже поднялся и пошёл к двухстворчатой раздвижной двери вагона. Для открытия и закрытия нужно было нажать на кнопки сбоку от двери. Юра нажал на одну, но дверь не открылась сразу, тугодумный механизм соображал. Аня решила, что нужно нажать с другой стороны кнопку, нажала. Но эта кнопка отвечала за закрытие дверей. Так что двери открылись после нажатия Юрой кнопки, а потом резко схлопнулись, среагировав на нажатие Ани. Юра обернулся на жену с раздражением.

– Вечно ты всё портишь... – прошипел он.

Венера услышала тихие слова и переглянулась с Аней, Аня в ответ изобразила усмешку, но получилось жалко. На улице уже стемнело, после кондиционированного воздуха поезда на кожу и в лёгкие спустился пряный от трав пар и жар южной ночи. Тело сразу невольно расслабилось, ступни запросили единственную комфортную в этом крае летнюю обувь – шлепки. Под одним из фонарей стоял мужчина, довольно молодой и ладный для торговли на перроне. На прилавке у него лежала пластмассовая обувь всех расцветок и мастей. Венера спросила цену. Мужчина отвечал неожиданно слабым голосом с характерным южным выговором, со смягченной буквой "г", с бархатистыми растянутыми звуками. Венера взяла себе и мужу прозрачные туфли, похожие на корытца, для ходьбы по гальке на пляже. Аня вышла без кошелька, а просить у мужа деньги не хотела. Наверняка, он тоже вышел без денег, так что начнётся неприятная перебранка, вялотекущая и стыдная. А хотелось спокойствия, дружеской атмосферы, ощущения летнего отдыха, новизны путешествия.

Стоянки были короткими, и вот уже курящий коллектив незнакомых людей, объединённых только серым дымом, затоптал свои окурки на многоповидавшем их асфальте. Люди стали

забираться наверх по ступеням поезда. Почему на юге низкие платформы? Они рассчитаны только на тех, кто не страдает лишним весом и проблемами с опорно-двигательным аппаратом, который в свою очередь издавна привыкли лечить именно на южных курортах. Аня зашла последней. В какую-то минуту ей просто захотелось остаться здесь, в незнакомом тёмном месте. Она чувствовала, что здесь снаружи для неё враждебности меньше, чем там в поезде подле Юрия. Первый год брака, когда она думала, что они притираются, научаются терпению, показывают свои отрицательные стороны и работают над отношениями, превратился в последующие годы, когда ничего не изменилось. Они не притёрлись. Она притерлась. И только она. Все чаще она радовалась тому, что нет у них детей. С детьми было бы ещё сложнее. Рядом по соседству в квартире жила семья, где родители, оба уже зрелые люди, способные прислушаться друг к другу, днём и ночью вели ожесточённые споры, а неизменным спутником их ссор звучал жалобный заунывный плач их ребёнка. Аня всегда зажимала уши, когда начинался очередной концерт, а Юра скабрёзно улыбался и стучал в стену, то ли для того, чтобы они поутихли, то ли распаяя их ещё больше.

До того уже надоело ехать в поезде, что многие пассажиры закрыли глаза, впали в глубокой сон или в дрему, тем более за окном была темень. Не такая темень, как в городской электричке в Подмоскovie, когда то и дело встречаются дома с освещёнными огнями, фонари на дорогах, яркие рекламные вывески, а именно, что космическая потусторонняя мгла. Ау, Стивен Кинг. Венера поежилась, выглянув в окно. И на её безмолвное потрясение, Анна ответила:

– А ещё представь в такую же темень зайти в море, вот где жуткая жуть!

Юра посмотрел на жену так, как если бы она сказала откровенную глупость. Вовка упрямо дрых, не ощущая, как далеко переместилась его физическая оболочка с одной точки земли, на которой он был ещё утром и разглагольствовал о том, что он категорически не спит в поездах, ибо мало ли чего, то вещи утащат, а то и жену. На органы. Наконец, поезд остановился. Они приехали. Сонные люди принялись доставать сверху со стеклянных полок свой багаж и выходить. Перед дверями уже собралась очередь. Венера скомандовала:

– Не будем толкаться, подождём, когда рассосётся. Мы уже на месте и не спешим.

Вовка тут же с благодарностью шлепнулся на своё место. Но Аня ощущала нетерпение, ей хотелось двигаться, суетиться. От долгой поездки и ничегонеделания руки и ноги подрагивали. Если бы не Юра, она всё равно начала бы заниматься багажом, но не хотела его язвительных замечаний.

Дошло дело уже до того, что перед дверью оказалось всего пара человек, тогда Венера встала и выскользнула к выходу, словно два огромных чемодана с рюкзаком не имеет к ней никакого отношения. Вовка одел на себя грубый армейский рюкзак, подхватил два чемодана и был таков. Он ещё умудрился подать руку Венере, когда она сходила со ступеней на низкую платформу. Юра зло посмотрел на Аню и в своей привычной манере недовольства произнёс:

– Ну, чего сидим, кого ждём?

Аня тут же вскочила, заторопилась, вытянула сверху сумку на колесиках, поставила вниз. Потом вторую. Ей было несложно. Аня была высокая и крепкая. Но хотелось, конечно, чтобы эти манипуляции с грузом проделывал её муж.

– У меня же грыва вылезет, – вдруг извиняющимся голосом протянул Юра.

– А я тебе ничего и не говорила.

Супруги покатали две сумки на колесиках к выходу. Вовка уже вызвал через телефонную программу такси, так что встречающие таксисты возле вокзала могли сколько угодно зазывать их своими многократно завышенными ценами на поездку.

Заказанное такси ожидало. Полноватый водитель, из тех кому сам Бог велел быть таксистом, открыл багажник, помог погрузиться. Пассажиры сели, и всю поездку мило беседовали с ним. Дорога была извилистая, тёмная, с косматыми деревьями на обочине и высокими песчаными скалами с другой стороны. На поворотах Аня с Венерой заваливались на её мужа, сидящего в центре на заднем сиденье. Юра расположился спереди. Все шутили о том, что в этом городе и вправду тёмные ночи, о том, что на таких извилистых поворотах можно отлично накачать бицепсы, и ещё о чём-то таком же тривиальном. Но водитель вёл себя так, словно впервые слышал такие шутки. Он смеялся и любезничал. До гостиницы доехали за 10 минут, не больше. На освещённой территории перед вертушкой у входа лежало штук пять крупных собак непонятной породы и разных цветов. Они не обратили на приехавших никакого внимания. Водитель успокоил тем, что таких собак будет еще немало, и все они не опасны. Жара забирает у них всю агрессию. Поверив на слово, пассажиры попрощались с водителем и направились к маленькому домику, возле вертушки. Там, вероятно, сидел охранник. Других видимых объектов, где могли бы впустить на территорию гостиницы, не было.

Асфальт по всему периметру не мог скрыть неровность полотна земли. Кругом были какие-то скаты, подъёмы, немного кренило то в одну, то в другую сторону. Аня заметила это по своей сумке на колёсиках, то ей было легко-легко её катить, она чуть не сама ехала и сбивала с ног, то Аня тянула её за собой, в какую-то невидимую гору. Вокруг всё спало, кроме вездесущих цикад. Они вели бесконечную беседу о чём-то серьёзном, безотлагательном. Аня никогда и не увидела их воочию, но слышала постоянно. Как фоновая музыка в телесериале или в магазине, под которую незаметно загружаешь тележку и вдруг оказываешься на кассе, судорожно вспоминая, хватит ли денег на покупки. Гостиница высокая, в двадцать этажей и в один корпус спала, все окна были темными. Советская постройка не допускала «вай-фай» до последних этажей, но на первом этаже он работал исправно. Первый этаж не спал, только там и светились окна. Они вчетвером взобрались по широкой лестнице ко входу, стеклянные двери распахнулись, парочка подростков, сидящих в холле оторвала свои глаза от мобильных телефонов. Сотрудница на «ресепшн» изобразила улыбку и отвлеклась от своих неторопливых дел.

В холле было зябко. Кондиционер размером с холодильник работал на всю мощь. Два аквариума с рыбками немного запотели. Там обитали рыбки разных размеров и цветов. Довольно экзотичные. Они вяло проплывали по небольшим аквариумам, а многие из них просто толпились в одной из точек аквариума и вели игру в гляделки. В холле было очень светло. Аня оглянулась на входные стеклянные двери, а за ними была непроглядная тьма. Неплохой контраст получился. Им выдали электронные пропуска в номера. Всё прошло очень быстро и деловито. Наверное, потому что была уже ночь. Хотелось поскорее разделаться со всеми формальностями и подняться наверх. Лифтов было четыре. Они вошли в ожидавший их, поднялись на 15 этаж и оказались перед длинным коридором, застеленным красной протертой дорожкой, всё ещё заглушающей шаги. Впереди коридора была открытая настежь дверь, а за ней серебрилось море, виднелась лунная дорожка и темное небо. Аня ахнула от такой дикой красоты. Юра тут же её отдернул. Всё спят! Не шуми! Он прав. И с этими мыслями Аня показала свою сумку к их номеру. Номер Вовки и Венеры был прямо напротив. Они попрощались и скрылись за дверью. У Юры не сразу получилось открыть дверь. Вероятно, он прикладывал пропуск той стороной, которая не читается. Потом дверь все-таки пикинула, и они вошли в номер.

Тяжёлая дверь захлопнулась, изолировав от них длинный коридор с открытой дверью на лоджию, Вовку с Венерой, обычный нормальный мир. Теперь снова Аня мысленно облачилась в доспехи для самозащиты от язвительности дорогого супруга. Но номер был прекрасен,

чудесен. Это сглаживало придиричность и враждебность Юрия. Все, все три стены были стеклянными, за ними поблескивало тёмное нефтяное море. Аня стала задвигать плотные шторы. Ночь быстро сменится утром, и это будет такое яркое утро, что они вскочат с кровати в четыре утра. Нужно отдохнуть. В номере было две кровати, чему Аня была безумно рада. Что у них за брак, когда она радуется, что в номере им не придётся даже делать вид, что они намереваются исполнять супружеский долг. Все так живут, говорит ей свекровь. Аня всегда сдерживается, чтобы не закричать, что она не желает жить, как вымышленные "все". Почему же она до сих пор с Юрой? Потому что страшно там, в большом мире, без работы, с утерянным навыком быть одной, хотя она с Юрой давно одна. С ним иллюзия защищённости. И только. Юра пошёл в душ, зашумела вода, а Аня принялась расстилать чистое бельё на обе кровати.

Анна выключила кондиционер в номере и приоткрыла окно, изготовленное на манер американских, когда верхняя часть толкается вперёд на улицу, а нижняя остаётся неподвижной. Потом она поплотнее задвинула портьеры, чтобы, не дай бог, вместе со свежим морским воздухом, в номер не проникли мошки. Мошек, вроде, не наблюдалось, зато проникли незамысловатые песни цикад. Юра вышел из душа в хорошем настроении, напевал и восхищённо оглядывал просторный номер. Ему нравились и стеклянные стены, и люстра, и светильники по углам и круглый стол в обрамлении четырёх мягких стульев. Ему нравилось ковровое покрытие всего пола, и он смачно протёр влажные пятки о пол. Анна отвернулась, надеясь, что успела скрыть замешательство. Юра в своём репертуаре. Он уедет, он уйдёт, а после него, хоть трава не расти. Выжженная земля. Сколько раз он вёл себя так в кафе и ресторанах, словно наследный принц Саудовской Аравии. Это ему не так, соли мало-много, порезано тонко-толсто, чай прозрачный, слишком темный. Анна только надеялась, что, ей, как его спутнице не плюнут в суп или в кофе, как, скорее всего плюнули мужу.

В гостиничном номере было аж две ванных комнаты. В одной была установлена душевая кабинка, умывальник и унитаз, а в другой полноценная ванна, где Анна мечтала понежиться. Аня включила воду, добавила пены из маленьких гостиничных флакончиков и присела на краешек белой ванны. Тут же раздался недовольный возглас:

– А когда ты планируешь разбирать сумки? Там же всё помнется!

– Позже или завтра, я устала, – отозвалась Анна.

– Я своё вытащу, не хочу в мятом ходить. Я же не ты...

Конечно, ты не я! Это для тебя вещи всегда стоят на сто рангов выше, чем люди. Аня погрузилась в ванну. Она была не глубокой, компактной, но достаточной для того, чтобы удобно возлежать. Под голову Аня поместила одно из множества белых гостиничных полотенец. Нега затопила разум. Хорошо, что они приехали сюда. Может, и правда, их брак с Юрием получит новый шанс. Может, посмотрит он на Венеру с Вовкой, захочет жить так же мирно и весело, как они. Но Аня размышляла об этом не всерьёз. Их брак заканчивал свое существование, это и ежу было понятно.

Их гостиница состояла из одного высокого корпуса в 18 этажей. Стояла она на естественном возвышении. Снизу расстилалась дорога в две полосы, на которых пробки не рассасывались больше, чем на полчаса и то, самой глубокой ночью. Все в этом крае ехали или к морю или с моря. Даже включённые сирены у иных автовладельцев не слишком сильно улучшали скорость. На небольшом островке между полосами стояла церковь с золотыми куполами. Аня подумала, что более неуместное расположение сложно представить. Вот церковное подворье, всегда пустующее от раскалённого солнца, а вот народ в плавках, в купальниках, в мокрых парео, с плавательными кругами ярких цветов и экзотичных форм наперевес. Может, так и было задумано, чтобы распаренный зноем и утомлённый морем человек, вдруг на секунду,

проходя мимо церкви, вспоминал о Боге, о грехе, об искуплении? Но Аня, когда проходила мимо духоспасительного сооружения, мечтала только о том, чтобы поскорее очутиться у подножия лестницы, ведущей к пятачку перед гостиницей. На этой лестнице уже можно было отдышаться. Хотя она и была крутая, но вдоль неё росли высокие деревья, осины, ёлки, сосны. Если бы не необходимость подниматься наверх, то можно было бы залечь на нижней узкой ступеньке и отдыхать после морских купаний.

В первый же свой спуск к морю, а за ним последовавший подъём по ступеням, а их было двести штук, однажды Аня отвлекала себя счетом их количества, вся компания из четырех человек оценила тенёк вокруг лестницы. Лестница изгибалась, была бетонной, не ровной, через хаотичное количество ступенек следовала маленькая площадка, тут можно было постоять и отдышаться, а потом снова наверх усталыми ногами. На следующей площадке могли лежать собаки, вяло реагирующие на путников. Потом снова ступени, а вокруг уже деревья и кусты, цикадная трель. И так до самого конца. Когда они преодолевали все двести ступеней, прохлада, полученная в море, куда-то исчезала, тело снова становилось не свежим, распаренным, не успевшие высохнуть волосы от влаги становились мокрыми ещё и от пота. В принципе, для пожилых гостей пару раз в день выезжал белый автобус и отвозил их на пляж. Но обычно этим транспортом никто не пользовался, и водителя искать приходилось по всей округе, если уж кому-то вздумалось бы вдруг ехать к морю, а не идти. Пляжей внизу за церковью было много. Они объединялись длинной асфальтированной узкой набережной, где располагалось несколько кафе, ларьки с сахарной ватой, плавательными приспособлениями, резиновыми дешёвыми игрушками. По этой набережной все время ходили люди. Они рвались сначала к морю, чтобы скинуть с себя жар дня, а потом в кафе или в столовую, чтобы подкрепиться после моря. Всё в этом крае вертелось вокруг моря. Но это было естественно. Оно занимало огромную площадь, имело огромное влияние на окружающую среду, на психологию людей. Где море, там отдых, расслабленность, верно?

В случае с Венерой и Вовкой именно так и было. Они расслабились. Спали до обеда, и никогда не показывались на завтрак в столовой гостиницы. Зато ровно в девять, как штык перед ещё закрытыми дверями просторной столовой Юра с Аней в сосредоточенном молчании ожидали, когда можно будет войти. Аня с удовольствием валялась бы в кровати, как её друзья, но Юра был неумолим. Если завтрак, обед и ужин положен им по оплаченной путёвке, значит, они будут в гостинице питаться, а не растрачивать деньги по местным кафе и ресторанам. Первые дни Аня просила, чтобы он уходил завтракать без неё, а она лучше выпитая и удовлетворится печеньем и чаем в номере. Но потом Юра решил, как ей насолить, и начал вешать на дверь снаружи табличку с просьбой об уборке. Горничная заходила со своим гремющим набором швабр, тряпок и ведер в номер, и становилось уже не до сна. Юра как-то повесил такую же табличку на дверь Венеры и Вовки. И вечером, когда они были на пляже, Вовка строго потребовал больше не беспокоить их с женой по утрам. Юра весь скукожился, скривился и поспешил сделать вид, что то была неудачная, неуместная шутка.

А море было чудесным, манящим, чаще серо-стального цвета. Венера с Вовкой все прошлые годы ездили на заморские курорты, и Аня беспокоилась, что наше море может им показаться слишком скучным и пресным. Аня, вообще, много и часто беспокоилась по любым поводам, но что-то ей подсказывало, что до брака такого не было. Юра изменил Аню, их отношения переделали ее поведение, ее сущность. Анна постоянно о чём-то беспокоилась в браке, раньше точно такого не было. По-крайней мере, если и было, то в разы меньше. Сейчас Аня волновалась, будет ли дождь, и положила ли она на видное место зонтик, чтобы Юра его взял, и не обвинил её в том, что Аня вызвала на его голову гром и молнию. Это было бы смешно, если

бы не было так грустно. За пять лет брака Анна стала себя ощущать ответственной за всё. За погоду в том числе. За то, что ее друзьям не понравится море, не понравится гостиница, не подойдёт еда в столовой. Поэтому всякий раз с волнением приходя на пляж, Аня мысленно просила море быть максимально привлекательным. Ну, не смешно ли? Не смешно.

Через пару дней все-таки её друзья заскучали и предложили выбраться из гостиницы, съездить, может, на экскурсию, к водопадам, на джипах, куда угодно, лишь бы не сидеть вечером на лавочке перед гостиницей, наблюдая, как аниматоры развлекают детвору. Они перебирали разные варианты, и кто-то из них первым остановил свой выбор на самом большом и известном дендрарии на юге России. В интернете Аня рассматривала красочные снимки. Всё такое сочное, зелёное, радостное, с солнечными бликами. И много цветов, которых она раньше не видела и названия которых не знала. Друзья выяснили, как туда добраться, сколько стоят билеты, что с собой взять и прочие бытовые премудрости. Но ко всему подготовиться нельзя. На следующий день, когда они вчетвером уже подъехали на такси к длинному высокому забору, оказалось, что осмотр дендрария нужно начинать с верхней его части, куда добираются люди из города на фуникулёре. У Анны тут же предательски затряслись ноги и похолодели ладони. Анна боялась высоты. И боялась высоты из них четверых она одна. Юра тут же издевательски принялся шутить, "шутить?", что супруге следует ожидать всю компанию в нижней части дендрария.

– А может ты пойдёшь нам навстречу? Пересечемся на полпути, а дальше мы вниз, а ты наверх? Вернёшься обратно на фуникулёре...

– Ты так и блещешь остроумием, Юра! Обидно вообще-то! – заметила Анна.

– Ты шуток не понимаешь!

В кассе, оформленной, как пещера, вырубленная в скале, им продали билеты и объяснили, как пройти к остановке на фуникулёр. Аня не вдавалась в подробности, шла, куда ведут. Это был её частый способ взаимодействия с окружающим миром. Она редко запоминала дорогу с первого раза. Не утруждала себя этим. Вот и когда они вчетвером шли в указанном направлении к остановке, замечая приметы, спрашивая дорогу, Аня витала в облаках. Рассматривала прохожих, пытаясь угадать, кто местный, а кто отпускник. Наверное, местные это те, кто несмотря на жару, спешит по своим делам с сумочкой, на каблучках, в застегнутой рубашке белого цвета, в галстук. Но таких немного. В основном, все в шлепках на босу ногу, в сарафанах и в широкополых шляпах с бейсболками. Аня вдруг ощутила себя стоящей возле лотка с солнечными очками. Широкая городская дорога, по которой они шли, сменилась невнятным закутком, где парень торговал очками. Аня не успела удивиться, что они забыли возле парня. Юра спросил продавца, как пройти к фуникулёру, на что парень привычно и не слишком энергично указал рукой себе за спину и мгновенно потерял интерес к вопросу.

Мы пошли по узкому проходу между домами. В какой-то момент Аня обрадовалась тому, что боится высоты, а не замкнутых пространств. Впереди показалась небольшая башня с тремя уровнями. Это и была остановка фуникулёра. Они стали подниматься наверх, и с каждой пройденной ступенькой, паника подкатывала к горлу Ани.

– Ну, что ты? Может, не поедет? Ань? Пускай мужчины едут наши, а мы их в кафе на набережной подождём? – Венера взяла Анну под руку. Но какое-то упрямое существо внутри Анны заявило, что она непременно поедет со всеми на этом прекрасном фуникулёре из этой прекрасной ничуть не высокой башни. Вон сколько других желающих, и с детками, и никто не боится, подумаешь, пролететь над городом всего лишь на уровне третьего этажа. Чепуха! В закрытой надёжной стеклянной кабинке! Тут же вспомнился недавний случай, когда в колесе обозрения люди провели два часа из-за поломки механизма. Аня за всю жизнь один раз про-

катилась на подобном аттракционе, и ей хватило этого на всю жизнь. Её добрый приятель принялся крутить допотопную с советских времён ржавую кабинку, трясти, вставать с места. А она просто побелела, вцепилась в руль и заорала грубым мужским голосом, что если он сейчас же не прекратит, то она на выходе с аттракциона его зарежет, задушит, утопит и сожжёт заживо. На приятеля возымел действие Анин окрик, а всё потому что она не разу не повышала голос на него в обычной жизни. Была этакой манерной принцессой.

Когда они сошли с аттракциона, то больше не общались никогда. Аня от обиды, а приятель – от удивления. Вот, оказывается, как в одной девушке может сочетаться фея и ведьма, а уж меняются они между собой совсем непонятно когда и отчего. Ну, её, эту Анну! На третьем этаже башни была широкая открытая площадка. С одной стороны толпились люди с купленными билетами, а с другой стоял турникет, похожий на турникет в метро, а подле него сотрудница в голубой форме и даже в пилотке с золотой эмблемой. Пилотка была немного набекрень, что объяснялось ветром, который продувал открытую площадку насквозь. Не верилось, что на высоте третьего этажа было настолько ветренно, ведь внизу в городе даже листочек не шевелился на дереве. Внизу было жарко, раскалённо. А наверху – ветрено, но не сильно прохладнее. Ветер был горячим, как из фена.

Прямо за сотрудницей на турникете на уровне её головы в городскую пропасть уходили два чёрных не сильно плотных на Анин взгляд провода диаметром с запястье. Аня с ужасом ошупала свои хрупкие запястья. Они вчетвером встали в очередь и через несколько минут могли наблюдать, как подлетает, раскачиваясь на этих проводах, стеклянная кабинка размером с небольшой автобус без колёс. От автобуса кабинка ещё отличалась тем, что была прозрачная везде, только пол был металлический, не прозрачный. Из кабины выходили взрослые, дети, смеялись, что-то друг другу взахлёб рассказывали, некоторые выходили молча, сосредоточенно смотря себе под ноги. Аня подумала, что она из фуникулёра выйдет первой, в слезах от испуга. Но Венера её утешила:

– Мы поедем только один раз, сейчас, для того, чтобы оказаться в верхней части дендрария, а потом с комфортом спускаться вниз в его вторую часть. Те, кто приехал сюда на фуникулёре, это те бедолаги, что начали осмотр с нижней части. Я прочла, что осмотр дендрария с нижней части невыносимо тяжёлый. Ты всё время идешь в гору. Хотя, представь, какая нагрузка хорошая! Всё пирожные бы сгорели за одну прогулку!

Аня была благодарна Венере за то, что она пытается её отвлечь от переживаний. А момент посадки между тем неумолимо приближался.

Как-то миллиард лет назад Аня садилась в лодку, которая покоилась на удивительно умиротворенной с виду воде. Аня тогда не ожидала, что дно посуды настолько резво начнёт ходить ходуном, и думала, что сесть в лодку не сложнее, чем сесть на стул или в кресло. Сейчас Аня заходила в фуникулёр и чувствовала, что ей так же страшно, как тогда при посадке в лодку. Только под ногами теперь высота, а раньше была глубина. В конце концов, что страшнее высота или глубина, теснота или открытое пространство, бешеная нападающая собака или безмолвно ползущая змея. Венера с Вовкой уже зашли и встали возле поручней, они с интересом разглядывали панораму города. Аня втиснулась между ними, чуть ли не впервые почувствовав себя наглой. Между ними не так будет жутко, как рядом с Юрой. Муж плелся сзади и встал сбоку от них, недовольно покосившись на Аню. Плевать. Рядом с ним всегда было ненадёжно, скованно и одиноко. Даже в первые дни знакомства. Но Ане нужно было выйти замуж. Как всегда срочно, суетно, тревожно. Вот она и вышла. За Юрия. А теперь стоит в опасной ситуации для себя и спасение ищет у друзей, не у мужа. Зачем такой муж?

Фуникулёр заполнился, сотрудница нажала на кнопку и дверь закрылась. Потом сотрудница два раза хлопнула по корпусу фуникулёра, что, вероятно, означало, трогайся в путь. Кабинка немного встряхнулась и плавно, не спеша раскачиваясь, двинулась, над городом, всё набирая высоту. Сначала она неслась почти над головами прохожих и автомобилей, касаясь днищем крон деревьев, а потом уже на высоте десятого этажа, не меньше. Анна отчего-то думала, что вся дорога пройдёт не выше третьего этажа, никто ей не сообщал о том, что они будут лететь на двух чёрных прутиках на высоте птичьего полёта. И никому из пассажиров этого не докладывали, наверное, потому что они восторженно взвыли, когда фуникулёр взметнулся вверх. Аня закрыла от ужаса глаза, как тогда на колесе обозрения.

– Когда мы подъедем к остановке, скажи мне! – Анна дёрнула Венеру за руку.

Подруга приобняла её за плечи и говорила, что поездка будет короткой, и Аня не успеет даже испугаться.

– Я уже испугалась! – вдруг взвизгнула Аня. – Когда мы приедем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.